ЛБ10 1147

В. СЕРГЕЕВИЧ

ЛБ10 1147

ЗАВОД-КУЗНИЦА РЕВОЛЮЦИИ

РАБОЧИЕ О СТАРОМ И НОВОМ ЖИТЬЕ БЫТЬЕ

150044 160

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛБ ID 7147
331:92

В. СЕРГЕЕВИЧ

ЗАВОД— КУЗНИЦА РЕВОЛЮЦИИ

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 150044
РАБОЧИЙ О СТАРОМ И НОВОМ ЖИТЬЕ— БЫТЬЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1929

Отпечатано в типографии Госиздата
«КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»,
Москва, Пименовская ул., д. 16,
в количестве 20.000 экз.
Главлит № А—34809.
Гиз А—31 № 31223.
Зак. № 9005.
$2^1/_2$ п. л.

☆

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В предлагаемой читателю брошюре я имею в виду, на основании моих непосредственных переживаний и наблюдений, кратко рассказать, как рабочий жил при царе.

Более десяти лет я работал на заводах Невской заставы (ныне Володарский район) в Петербурге.

Невская застава в рабочем движении Петербурга занимала одно из первых мест. Здесь на протяжении 5 километров Шлиссельбургского тракта расположено свыше десятка крупнейших фабрик и заводов, как-то: Семянниковский завод, Александровский механический и паровозостроительный, Вагонные мастерские, текстильные фабрики—Паль, Максвель, Торнтон, писчебумажная фабрика Варгунина, Обуховский сталелитейный завод, Невский стеариновый, Невский химический, Глухозерский цементный, толевая фабрика Наумана, лесопильный завод Громова, ультрамариновая фабрика Веге, литейный завод Атлас и ряд других мелких предприятий. Общее количество рабочих, занятых в производстве, достигало в 1905 г. 45 тысяч человек. Предприниматели устремлялись со своими фабри-

ками и заводами сюда, за заставу, с одной стороны, вследствие дешевизны земли и удобства путей сообщения, ввиду близости Невы, а с другой — по соображениям административным. Полицейско-буржуазное правительство не могло допустить, чтобы грязный рабочий жил там, где полагается жить чиновничеству и буржуазии. Заводы с их копотью и дымом надо было строить за чертой города, где рабочие жили и работали в вопиющих антисанитарных условиях.

Но нет худа без добра. Сосредоточение такого большого количества заводов и фабрик за заставой играло огромную революционизирующую роль в жизни рабочих. Всякое, даже незначительное, событие, не говоря уже о крупных, возникшее на одном заводе, здесь быстро, без всяких листовок и прокламаций, делалось известным на всех предприятиях. Дело одного завода, дело одной мастерской становилось делом всей заставы. Оно объединяло рабочих, ворошило мозги, ободряло наиболее отсталую часть пролетариата.

И это сознание общей, единой рабочей семьи, вначале смутное, а с течением времени более ясное и определенное, замечается у рабочих заставы еще на заре рабочего движения.

Майская стачка палевцев и максвельцев в 1896 г. вызывает сильное брожение среди семянниковцев и александровцев; к январской забастовке 1897 г. тех же фабрик присоединяется Александровский за-

вод; декабрьскую стачку 1898 г. поддерживают и александровцы и семянниковцы. После 1899 г., когда назревший промышленный кризис несколько уравнял положение металлистов с текстильщиками, солидарность рабочих возрастает. Празднование 1 мая 1900 г. проходит с небывалым до этого единодушием на предприятиях заставы, а известная обуховская оборона в 1901 г. вызвала дружный протест рабочих всех заводов. В революцию 1905 г. семянниковцы по количеству забастовок побили рекорд среди всех предприятий Питера. Из 270 рабочих дней семянниковцы бастовали 110 дней, потеряв заработной платы в среднем по 200 руб. на человека[1], обогнав даже почти в два раза путиловцев, которые бастовали 63 дня с средней потерей заработка на человека в 110 руб.

В основу очерка положены личные переживания и наблюдения, поэтому я счел наиболее подходящим придать ему жизнеописательную форму. Тем более, что путь, которым приходил рабочий на завод, а затем к революции, за немногими исключениями, один и тот же для большинства рабочих. То, что мною рассказывается о себе, об окружающей меня среде, об условиях жизни, не является специфически особенным для меня и смело может быть названо типовой рабочей биографией.

---

[1] „Материалы об экономическом положении и профессиональной организации петербургских рабочих по металлу. СПБ 1909 г.

Распадаясь на ряд отрывков, очерк объединен основной мыслью, поставленной в качестве заголовка: «Завод—кузница революции».

Отдельными эпизодами я старался показать, как в рабочем, несмотря на тяжелые условия жизни, постепенно пробуждалось политическое и классовое сознание; как шел он путаной дорогой, окольными путями, с огромными усилиями выбиваясь на широкий путь классовой борьбы. Мне казалось поэтому необходимым остановиться на отдельных ошибках и шатаниях мысли, которые задерживали рост рабочего движения, но были неизбежными спутниками выработки правильного, сознательного отношения к окружающему.

Я показал по возможности все этапы пройденного мною пути, обычного пути рабочего в царское время: отрыв от деревни, впечатления новой городской жизни, условия работы на заводе, быт рабочей среды вне завода, неудовлетворенность окружавшей обстановкой, искания, наконец—выход на верную дорогу.

От первой полицейской плети, через первую прокламацию—к первому сознательному участию в стачке.

Так из серой, забитой, выброшенной из нищей деревни массы кузница революции—завод—выковывала дружные ряды стойких бойцов, разрушивших в 1917 г. здание старой, смрадной жизни.

Автор.

ИЗ ДЕРЕВНИ В ГОРОД

Старый строй изменил капитал-вла-
стелин,
С корнем рвал он дворянские роды,
Мужиков и ребят из родных палестин
Гнал на фабрики, верфи, заводы.

(Из песни «*Машинушка*».)

Все мужское население нашего села, от малого до старого, уходило в летнее время на отхожие заработки, так как село наше принадлежало к числу малоземельных. Своего хлеба хватало не дольше, как до октября месяца, а остальное время жили за счет покупного хлеба. Уже с осени заключали условие с подрядчиком на летнюю работу и в течение зимы выбирали все жалованье. Мой отец был в такой кабале у подрядчика, что никогда не выходил из долгов, и из года в год работал грузчиком за 35 руб.—с половины апреля до октября. Поэтому, когда мне исполнилось 13 лет, в доме стали поговаривать—куда бы определить мальца, чтобы «избавиться от лишнего рта».

— Хочешь, пойдем со мной на Волгу,—сказал мне как-то отец.— Будешь помогать кашевару.

А хочешь, поезжай в Одессу к дяде Петру учиться бондарному ремеслу...

Решить эту задачу в общем было не так легко. С одной стороны, поездка на Волгу мне очень улыбалась: прожив все свои 13 лет на Оке, я очень свыкся с рекою, любил ловить рыбу, кататься на лодке. Но, с другой стороны, мое детское самолюбие крайне страдало от перспективы быть помощником кашевара. Должность кашевара казалась мне унизительной и вот почему: я слышал однажды, как по адресу споткнувшегося и упавшего во время погрузки баржи вместе с кулем мужика, проходивший подрядчик заметил: «Ты, брат, не работник, а кашевар!..» Само по себе это замечание, может быть, и не произвело бы на меня впечатления, если бы оно не было встречено дружным хохотом почти всех грузчиков, у которых кашевары, вследствие своей физической слабости, не пользовались уважением. И бедный мужик чувствовал себя приниженным и обиженным.

Бондарство меня тоже не особенно прельщало. С одной стороны, бондари, приезжавшие гостить в деревню, мне очень нравились своей физической ловкостью и щегольской одеждой: они носили блестящие, вроде лакированных, сапоги, камлотовые поддевки и залихватски надетые фуражки. Но мне не хотелось работать в мастерской.

Трудно сказать—что выбрал бы я из открывавшихся передо мной двух «жизненных» путей,

если бы случайный приезд из Петербурга одной из родственниц моей семьи не открыл для меня третьего пути.

Муж этой родственницы уже лет десять жил в Петербурге. Сначала он служил в солдатах в одном из гвардейских полков, а затем поступил в столичную полицию городовым. Не могу сказать— правдами, или неправдами, но сколотил он некоторую толику денег, купил небольшой дом за заставой, развел коров и разную живность; слыл в деревне за богача, и, само собою разумеется, пользовался уважением родни, а больше вызывал зависть. Пост его был как раз у одного большого завода, его знала вся администрация, и устроить меня на этот завод ему было нетрудно.

Этим-то случайным приездом «важной» родственницы и решил воспользоваться мой отец. Ведя полуголодную жизнь батрака, он в простоте души своей очевидно думал, что коль скоро так хорошо устроился сын его сестры (городовой приходился моему отцу племянником), то, может быть, судьба будет благосклонна и к его сыну.

Меня завод привлекал больше, чем бондарство и кашеварство, по соображениям, свойственным многим мальчикам в 13 лет.

В юности я мечтал стать капитаном парохода. Не раз, глядя на окские пароходы, я уносился мечтой в сказочные страны, боролся с бурями и опасностями. Поэтому, когда я узнал, что на том заводе,

куда намеревался определить меня отец, строят пароходы, да еще военные, мне показалось, что капитанство само лезет мне в руки.

Предложив мне одеться по-праздничному—это означало надеть ситцевую рубашку вместо обычной холщевой и рыжие заплатанные сапоги вместо лаптей,—отец повел «представлять» меня приехавшей «важной» родственнице.

Узнав цель посещения, родственница стала «ломаться», и отцу долго пришлось упрашивать ее; в конце концов было решено, что она меня возьмет с собой и что за устройство на завод я должен буду в «свободное» после завода время помогать им по хозяйству.

Сломив упорство родственницы, отец натолкнулся на новое препятствие. Для поступления на завод нужно было иметь шестнадцать лет, а мне было только тринадцать с половиной. Ныне, когда мне перевалило за сорок, я хорошо понимаю, что молодость не такой уже большой недостаток и к тому же, что всего печальнее, скоро проходящий. Но тогда меня очень огорчало, что мне только тринадцать с половиной. К счастью волостной писарь согласился взять на себя роль Мефистофеля, с той только разницей, что ему надо было не старика превратить в молодого, а молодого сделать постарше. В соответствии с легкостью задачи конечно была и мзда за оказанную услугу. Если Фаусту за возвращение молодости надо было про-

дать чорту душу, то мой отец ограничился двумя рублями; за это писарь прибавил мне в паспорте два с половиной, и дело было, что называется, «в шляпе».

Днем отъезда назначено было воскресенье. Когда я проснулся, стол уже был «сервирован», и вместо обычного запаха отваренной картошки в избе разносился аромат вареного мяса и сдобных лепешек. Такой запах был в нашем доме редкостью, не более двух-трех раз в год: в день отъезда отца да в большие праздники.

Сели за стол; в углу под иконой поместился отец. По существовавшему в то время обычаю, прежде чем приступить к еде, надо было совершить общую молитву. Деревянное масло для лампады за неимением средств у нас не покупалось. Поэтому вместо лампады зажгли свечу. Вся церемония носила «торжественный» характер. Но все это было испорчено случайным происшествием. В тот момент, когда отец, угостив всех сидевших за столом водкой, намеревался выпить сам, большая капля воска горевшей свечи упала на его уже значительно полысевшую голову. Больше, вероятно, от неожиданности, чем от боли, отец вздрогнул, уронил стакан с водкой, рассерженный схватил свечу, смял ее и бросил на полку к иконе. Суеверие, приметы в крестьянской среде того времени играли огромную роль. И нет ничего удивительного, что этот, по существу больше комический,

случай произвел на всех гнетущее впечатление. На лицах всех присутствующих отразился страх и сожаление к моей персоне. Все были вполне уверены, что ничего хорошего меня не ожидает впереди.

После обеда стали собираться к отъезду. Когда мы вышли на двор, где стояла запряженная в сани гнедая, солнце взошло уже высоко и грело совершенно по-весеннему, хотя был только конец марта. Из-под навеса вышел проводить меня мой приятель-петух. С ним у меня была большая дружба,—я много раз помогал ему с честью выходить из боев, которые он часто затевал с петухами соседей. Теперь, стоя на солнце на одной ноге и сощурив один глаз, он пристально смотрел на меня другим глазом, и в этом взгляде я прочел упрек за мой неожиданный отъезд.

Обычно все уезжающие не садятся в сани или телегу около дома, а идут до конца деревни пешком за возом и лишь за деревней садятся. Я, разумеется, последовал общему правилу. Идя по деревне, я заметил, что все как-то изменились в своем отношении ко мне. То ли, что я делал первые шаги к самостоятельной жизни, то ли, что уезжал в «чужую сторонушку»,—но встречавшиеся мужики снимали шапки и желали счастливой дороги; из изб, с соломенных крыш которых низко свисали ледяные сосульки, выбегали женщины и девушки, и их острые глаза устремлялись на меня так, точно

они меня в первый раз видели или во мне произошла какая-то разительная перемена. Даже собака соседа Валет, старинный мой враг, никогда не пропускавший меня без лая, за что получал камень в бок, теперь не вскочил при виде меня, как это делал обычно; пригретый солнцем, он лежал на завалинке около избы, положив морду на задние лапы, и ласково смотрел на меня, как бы говоря: «Не стоит с тобой ссориться, ведь ты все равно уезжаешь и, может быть, мы никогда больше не увидимся».

В конце деревни жил мой самый близкий товарищ и друг, дед Абрам.

Деда Абрама уже давно нет в живых, но воспоминания о нем встают с необычайной яркостью. Сколько переживаний радостных и грустных связано с этим именем! Летом лодка, рыбачьи сети, костер ночью и жуткие сказки, в которых непременно злые люди в конце концов получали должное возмездие за свои деяния. Зимой дед Абрам бывал больше слушателем. Он или сам раздобывал где-нибудь книжку, хотя был неграмотный, или просил меня раздобыть ее в школе. Под вечер он приходил к нам, и я до петухов читал ему вслух, благо это возможно было, так как отец мой в зимнее время занимался сапожничеством и часто сидел целыми ночами за работой. Читали мы с дедом Абрамом все, что попадало под руку; «Бову-королевича», «Еруслана Лазаревича», «Битву русских с кабар-

динцами», «Житие св. Харлампия длиннобородого» и др. святых, «Юрия Милославского», «Князя Серебряного», «Капитанскую дочку», «Как сеять репу», «Как морить тараканов», «Шута Балакирева» и т. д. и т. п. Читали мы не без толку, а, можно сказать, «с обсуждениями». Каждый герой проходил через строй наших насмешек или одобрений.

Дед Абрам сидел и чинил сети, когда я вошел в избу, чтобы попрощаться. Он уже готовился к разливу Оки и то, что я не смогу принять в этом участие, больно кольнуло мне сердце. Дед Абрам вышел проводить меня до околицы. Там он усадил меня в сани, поцеловал в лоб и крепко пожал руку. Отец ударил кнутом гнедую, и она побежала мелкой рысцой вперед, увозя меня к станции, а старый, седой дед Абрам без шапки пошел назад к своей избе.

КАК ПОСТУПАЛИ РАНЬШЕ НА РАБОТУ

Через несколько дней я уже был в Петербурге. Сидя на империале (т. е. наверху) паровой конки, ходившей в то время за заставу, я растерянно смотрел на высокие здания, на богато одетую толпу людей, на множество извозчиков и экипажей.

Но вот паровичок сделал крутой поворот, и картина резко изменилась: начался рабочий квартал. Дома здесь были деревянные, не лучше, чем у нашего деревенского трактирщика; улицы грязные, не мощеные; людей на улицах было мало—притом

больше женщины и дети; на горизонте торчало множество труб, высоких и пониже толстых и потоньше, похожих на гигантские деревья с обрубленными верхушками. Они дымили кудрявым черным дымом с таким изобилием, что тучи копоти низко висели над городом, отчего город казался угрюмым и злым. Через несколько дней я вышел к воротам завода наниматься на работу.

Девяностые годы, в особенности средина их, когда я впервые поступал на завод, были годами огромного оживления для паровозостроительных заводов. Это был третий период расцвета железнодорожного строительства. Тогда были окончены изыскания Сибирской дороги, началась постройка Казанского участка Московско-Казанской ж. д. и намечалась постройка на огромное протяжение обществами Московско-Ярославской и Рязано-Уральской ж. д.

Достаточно указать на то, что Невский судостроительный и механический завод (Семянниковский), стоявший с 1887 г. и пущенный в 1891 г. выпустил в 1892 г. 6 паровозов, в 1894 г.—66 паровозов, в 1896 г.—82 паровоза, а в 1898 г.—111 паровозов [1].

В соответствии с этим увеличилось, конечно, и требование на рабочие руки. Число рабочих в

---

[1] Очерк истории Невского судостроительного и механического завода, СПБ 1910 г.

России за 10 лет, т. е. с 1887 по 1897 гг., увеличилось с 1 318 тыс. человек до 2 098 тыс., т. е. на 62 %.

Но обнищавшая вследствие голода 1891/92 г. деревня выбрасывала в города такое количество безработных, что поглощать их не могла даже так быстро развивавшаяся промышленность, и получить работу даже в то время было не так легко.

Надо было иметь знакомство с мастерами или старшими рабочими, а сверх того некоторую сумму денег на угощение старшего рабочего [1]. Эти старшие рабочие в большинстве своем были ставленниками мастеров, взяточниками и тунеядцами. Поступить с помощью их на работу можно было лишь при помощи взятки в виде угощения. Иногда, впрочем, бывало так, что, попьянствовав несколько раз за счет ищущего работу, они объявляли ему, что «в данный момент рабочих не надо, а что можно будет устроить на работу месяца через три».

В лучшем положении находились те безработные, у которых по счастливой случайности землячки служили прислугой у кого-нибудь из администра-

[1] В то время в мастерских существовал артельный порядок выполнения работ, а во главе артели, состоявшей из 20—30 человек, ставился старший рабочий, который вел переговоры с мастером о расценках, давал характеристику каждого рабочего, являясь в сущности полным хозяином артели.

ции завода. Такая публика получала работу наверняка и быстро.

Все остальные безработные, у кого не было знакомств и денег на угощение, стояли у ворот и «ловили» мастеров. Процедура эта, носившая крайне унизительный для рабочих характер, заключалась в следующем: невзирая на вьюгу и дождь, на выступе забора или тротуаре располагаются близ завода толпы безработных. Вот вдали появляется идущий на завод мастер того или другого цеха. В толпе проносится: «Идет прокатный!..» или «Большой механической»!..» —и безработные соответствующей специальности быстро вскакивают, снимают шапки и идут за мастером, прося принять на работу. Мастер обычно молчит. Толпа провожает его до ворот завода; здесь калитка за мастером закрывается, и безработные растерянно стоят несколько минут около запертых ворот.

— Заелся, скотина!.. Не хочет даже разговаривать, точно корова язык отжевала!..—выругается кто-нибудь из толпы безработных.

Затем, понуря головы, снова садятся на выступ забора или тротуар и снова ждут обеденного или вечернего выхода мастера.

И так месяцами иногда ходил рабочий от одного завода к другому, тщетно пытаясь получить какую-нибудь работу.

Иногда толпившимися у ворот безработными заводчики пользовались как средством для запуги-

вания рабочих в целях понижения расценков. Если безработных было мало, их специально создавали посредством распространения такого, например, слуха среди рабочих:

— Слушай, Петров,—обращался кто-нибудь из администрации к рабочему,—завод получил заказ, будем набирать рабочих. Пиши в деревню землякам, чтобы приезжали.

Петров благодарил «благодетеля» и, конечно, писал. Земляки приезжали, долго ходили без работы и изголодавшись готовы были стать на работу на каких угодно условиях. Администрация этим пользовалась, увольняла тех, кто осмеливался «шебаршить» и не соглашаться работать на предложенных заводом условиях.

Для устройства меня на завод мой родственник решил обратиться непосредственно к управляющему заводом [1].

Решено было обратиться к нему в тот момент, когда он будет итти на завод. Накануне мне были даны инструкции, как надо держать себя при разговоре. Я должен был снять шапку и сказать ему

---

[1] Управляющим в то время был С. И. Смирнов, тот самый инженер Смирнов, которому суждено было в начале 1905 г. снискать печальную известность в истории увольнения четырех рабочих Путиловского завода, куда он перешел на должность директора с Невского завода. Как известно, эпизод с увольнением этих рабочих явился прологом к январской стачке и событиям 9 января.

о своем сиротстве, нищете и о том, что благодеяние его буду помнить всю жизнь. Раньше девяти часов управляющий не выходил из дому, но я уже в половине восьмого стоял у забора дома, где жил управляющий. День был ненастный, моросил мелкий дождь. Прижавшись к забору, уныло стояла толпа безработных. Охал паровой молот в кузнице, громыхал прокатный цех, чихала электрическая станция и отчаянно визжала пила.

Наконец скрипнула дверь квартиры управляющего, один из стоящих у ворот завода сторожей быстро подбежал к калитке и открыл ее. На улицу вышел человек, одетый в форму инженера.

— Здравия желаю, Сергей Иванович,— громко приветствовал его мой родственник, держа руку под козырек.—Не откажите в милости, прикажите принять этого мальца...

— Сколько лет?—спросил управляющий.

— Шестнадцать.

— Отчего такой щуплый?

— Плохие харчи...

Из всей намеченной для меня программы поведения я выполнил лишь один пункт—снял шапку. Однако что-то обидное чувствовал я в этом стоянии без шапки. К тому же меня раздражала холодная сырость, падавшая мне на голову, гладко, во избежание вшей, выбритую.

— Проводить в контору!—сказал управляющий сторожу.

В тот же день мне выписали приемную, а на второй день я пошел на осмотр в заводскую больницу. Там мне сосчитали пальцы на руках и ногах, проверили зрение, выслушали легкие и сделали отметку: «Здоров». В прохладной конторе выдали расчетную книжку с указанием поденного жалования в размере 30 коп. в день и медный номер.

«ПРИВАЛЬНАЯ»

В первый день моего выхода на работу я проснулся раньше, чем нужно. Ворота завода были еще закрыты, а на улице тихо и безлюдно. Текстильные фабрики, где рабочий день был длиннее и начинался раньше, уже работали, а заводская часть квартала еще спала. Резкий свисток Семянниковского завода прорезал тишину, за ним, точно свидетельствуя о своей солидарности, завыли где-то далеко другие свистки, и поток людей потянулся к заводу. По мере того как стрелка заводских часов приближалась к семи, людская лава становилась все гуще и гуще. Прижавшись к забору, стояли шедшие навстречу пешеходы, остановились выжидая прохода рабочих, ломовые извозчики; даже паровая конка, при первом звонке которой в обычное время все шарахались в сторону, теперь двигалась, как черепаха, и на ее тревожные звонки никто не обращал внимания.

Машина уже была пущена, когда я пришел в мастерскую. Вертелись шкива, шлепали ремни, дви-

гались зубчатые колеса станков, визжала вращавшаяся с большой быстротой пила, прорезая отверстие в головках шурупов. Словно какое-то живое существо, открывал и сжимал пасть с зубчатыми плашками большой болторезный станок. Медленно вращаясь, он втягивал внутрь себя попадавший ему в пасть болт и через несколько секунд выплевывал его винтообразно изжеванным. Фонтан латунных стружек осыпал рабочих револьверных токарных станков, изготовлявших медные шурупы. Быстро обстругивались неровные поверхности гаек. Ручки станков откидывались, прижимались, завертывались и отвинчивались рабочими с привычной быстротой и умелостью.

Я стоял у конторки в ожидании, когда мастер позовет меня, и смотрел на пришедшую в полное движение работу мастерской. Меня поражала сила, смелость и ловкость рабочих. Целые группы их, как бы спаянных движущимися станками, вызвали во мне то, что я понял позже и что выражено в словах: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!..»

Добрый час простоял я, пока наконец меня заметил мастер. Он подвел меня к верстаку, на котором были устроены круглые закрытые тиски и сказал работавшему на них молодому рабочему:

— Вот тебе помощник.

Обычай пьянствовать на чужой счет, практиковавшийся старшими рабочими, имел широкое рас-

пространение среди рабочих заводов и фабрик в царское время. Каждый поступавший рабочий должен был поставить «привальную», т. е. свести влиятельных и соседних по станку рабочих в трактир и поставить угощение. Здесь в трактире, за бутылкой водки устанавливались товарищеские отношения. С этого момента новичок мог рассчитывать на помощь: ему дадут на первое время инструмент, предупредят о расценках, помогут разобраться в чертеже,—словом, окажут всякое содействие и помощь, на которые без «привальной» рассчитывать невозможно. Обычай «привальных» соблюдался твердо. Если на работу поступал изголодавшийся и все распродавший во время безработицы рабочий, он все равно должен был поставить «привальную». Если не было денег и не у кого было занять, прибегали к «перегонке».

«Перегонкой» рабочие называли такую несложную, но весьма убыточную для них, операцию: по заборной книжке в заводской лавке забирался товар в кредит и сейчас же перепродавался местному лавочнику за наличные деньги, со скидкой в 50 и самое меньшее 40%.

На учеников обычай «привальных» не распространялся. Но в болторезной мастерской, куда я поступил, работала по преимуществу молодежь, а последняя, как известно, любит подражать взрослым, поэтому ко мне стали приставать с «привальной».

Пришлось прибегнуть к «перегонке», «перегнать» мне удалось за неимением кредита всего на 80 коп., поэтому мы купили только полторы бутылки водки, нескслько кусков горячей печонки и отправились в поле. Пили водку из горлышка и внимательно наблюдали за тем, чтобы кто-нибудь не перепил лишнего. Если кто-нибудь долго тянул, у него отрывали бутылку; если же оказывалось, по глазомеру, что он не допил своего, то ему давали еще потянуть.

Так началась новая жизнь, жизнь городского пролетария.

СКОЛЬКО ЧАСОВ РАБОТАЛИ НА ЗАВОДЕ ПРИ ЦАРЕ.

Эксплоатация рабочих предпринимателями в описываемый период достигала ужасающих размеров.

На металлических заводах рабочий день официально считался в 10½ часов, а фактически доходил до 13 часов, так как на всех заводах практиковались обязательные сверхурочные работы. Об этом ярко свидетельствуют цифры.

Семянниковский завод в 1899 г. выпустил 72 паровоза, что с другими выпущенными заводом изделиями составляло сумму 3,7 млн. руб.; в 1900 г. завод выпустил изделий на 7 млн. руб., в том числе 128 паровозов.

Число рабочих паровозного отдела в 1899 г. равнялось 2 092 чел., а в 1900 г. в том же отделе было 2 128 рабочих. Как видно, число рабочих в

1900 г. увеличилось всего на 5%, а производительность труда повысилась почти в два раза [1].

Увеличение производительности могло произойти или за счет поднятия интенсивности труда или за счет увеличения рабочего дня. Допустить, что в 1899 году рабочие работали настолько «спустя рукава», что административное подтягивание могло дать увеличение производительности труда в 1900 г. почти в два раза, было бы уже очень наивно, ибо администрация мало миндальничала с рабочими и в 1899 г. В действительности, ларчик просто открывался: увеличение производительности произошло за счет обязательных сверхурочных работ, которые практиковались у нас не менее 4 раз в неделю из 6 рабочих дней, минимум по 3 часа в день, или 12 часов в неделю. Однако обязательные сверхурочные работы не увеличили заработка рабочих.

По данным самого правления завода, средний заработок рабочих паровозного отдела в 1899 г. равнялся 460 руб., а в 1900 г.—468 руб., т. е. остался почти на том же уровне.

На текстильных фабриках рабочий день доходил до 14 часов с часовым обеденным перерывом для денной смены и 10 часов без перерыва для ночной смены. Правда, в результате огромной и упорной

---

[1] Очерк истории Невского судостроительного и механического завода, СПБ 1910.

стачечной борьбы, стоившей рабочим немало жертв, рабочий день законом 2 июня 1897 г. о нормировании рабочего времени был установлен как максимум—11½ часов. Но фактически рабочий день остался почти без изменения и после издания этого закона. Прежде всего закон не устанавливал никакой ответственности предпринимателей за нарушение этого закона, кроме ничтожного штрафа (до 50 руб.), поэтому нарушения закона имели массовый характер. Так, по данным фабричной инспекции только за 1900—1902 гг. было обнаружено 4 566 случаев нарушения предпринимателями закона 1897 г. Между прочим, любопытно, что фабричная инспекция составила протоколы для привлечения предпринимателей к ответственности не по всем случаям, а лишь по 150.

Затем, сокращая рабочий день для текстильщиков, где этот рабочий день был больше 11½ час., закон давал формальное право предпринимателям металлических предприятий, где фактически рабочий день был ниже 11½ часов, повысить его. Наконец, согласно неопубликованной статье закона 2 июня, министр финансов имел право издавать временные правила в развитие закона. Пользуясь этой статьей, министр финансов Витте издал 14 марта 1898 г. циркуляр, которым предпринимателям разрешалось пользоваться сверхурочными работами. И предприниматели конечно не преминули этим воспользоваться. Не решаясь итти на

открытое увеличение рабочего дня, они удлиняли его введением обязательных сверхурочных работ, оставляя заработную плату на том же уровне.

«ОХРАНА» ТРУДА НА ФАБРИКАХ И ЗАВОДАХ

Эти 13—14 часов работать приходилось в чрезвычайно тяжелых условиях. Низкие, темные мастерские; в кузнице и литейном дым выедал глаза, ибо никакой вентиляции не было. Проветривать помещения можно было лишь открывая ворота в мастерской, что вело к сквознякам, простуде. На текстильных фабриках положение в этом отношении было еще хуже; на некоторых фабриках отопление в мастерских проходило под полом, и пол нагревался так, что ноги прели от жары. Кроме того отопление засорялось жирным мусором, отчего воздух насыщался прогорклым запахом. Некоторые товары выделывались из гнилой, пыльной пряжи. Заправка шпули производилась вдыханием. Уток был толстый, так что на одном метре шпулю приходилось заправлять несколько десятков раз. Нетрудно себе представить, какое количество пыли вдыхал в себя ткач в течение дня. Заболевание туберкулезом на этой работе было нередким явлением. В известной в то время песне ткача так описывались условия работы текстильщиков:

Грохот машин и жара нестерпимая,
В воздухе клочья хлопка,
Маслом прогорклым воняет удушливым —
Да, жизнь ткача не легка...

Ответственности в уголовном порядке за несчастные случаи при работе на заводе или фабрике предприниматель никакой не нес. По закону 2 июня 1903 г. о вознаграждении за увечье предприниматель отвечал лишь в гражданском порядке. При временном лишении трудоспособности рабочему по этому закону обеспечивалась половина получаемой им цеховой платы во время болезни до окончательного выздоровления. При полной инвалидности рабочий имел право судом требовать себе пожизненной пенсии в размере двух третей своего годового заработка. Но сложность гражданского процесса, волокита в судах, многочисленность судебных инстанций, умышленное затягивание дел об увечьи при помощи адвокатского крючкотворства, сводили на нет и эту ответственность предпринимателей. На практике это приводило к тому, что рабочий под влиянием нужды соглашался итти на «мировую» и получал то, что давал предприниматель. Благодаря полной безответственности, предприниматели не принимали никаких мер к охране труда, к охране безопасности. Опасные части станков и машин не ограждались предохранительными щитами; в литейном и прокатном цехах работы были почти не механизированы, а производились ручным способом, что конечно приводило к частым случаям серьезных и смертельных увечий.

Права на отдых или отпуск, хотя бы без сохранения содержания, рабочие в царское время не имели. Подобно машине рабочий должен был изо дня в день ходить на завод или на фабрику до того времени, пока не приходил в полную негодность и не заменялся другим.

Роженицы от работы освобождались лишь на девять дней и без сохранения содержания. Врачебная помощь роженицам не оказывалась, а об освобождении от работы для кормления ребенка нечего было и думать.

И нередко рабочим приходилось переживать тяжелые драмы из-за предпринимательской жестокости. Однажды в трактире такую драму рассказал безрукий рабочий.

— Дело было так. Долго я ходил без работы. Прожил все вещички, какие были: самовар, пальто, женину шубу... Ходил по всем заводам, но никуда не мог поступить. Наконец товарищ выпросил мне работу у мастера Ново-механической. Дали мне пробу, конечно очень заковыристую,—таких вещей не бывает ни в паровозе, ни в других машинах: какой-то трехконечный винт с выкрутасами!.. Работник я был хороший, и никакая проба мне не была страшна. Работаю я, а в голове мысли бродят: «Зачем так много народу на земле, если всем им работы нет? Разве нельзя устроить так, чтобы народу родилось столько, сколько его надо?— Ведь все равно многие умирают от голода, от хо-

лода и от болезней». Предо мной вставали картины пережитой безработицы, голода. От раздумья я очнулся тогда, когда резец уже подошел к концу. От испуга, что зарежу пробу, я растерялся и, вместо того чтобы откинуть ручку, вцепился руками в приводной ремень. Станок остановился на мгновенье, точно хотел подумать: стоит, мол, тебя калечить, или нет? Потом решив, должно быть, что нашего брата много, рванул, да кстати захватил и мою правую руку. Очнулся я в больнице. Сказали, что сломал кость, что руку надо по локоть отрезать. Отрезали, уволили, ничего не заплатили, сказали, что по своей вине изувечился. Жена меня бросила. Сына оставлять было не на кого, брал с собой просить милостыню, простудил и снес на кладбище.

Рабочий расплакался. Орган заиграл «Камаринскую». Затопали, отбивая такт ногами, пьяные.

КАКОЙ БЫЛ РАНЬШЕ ЗАРАБОТОК РАБОЧИХ.

Сколько же платили рабочему за работу в таких тяжелых условиях?

На всех фабриках и заводах работа оплачивалась сдельно и вследствие низких расценок требовала огромного напряжения сил. При этом уверенности в том, что в текущем месяце заработаешь столько же, сколько заработал в предыдущем, не было никакой. Многое зависело от случая. Вы могли быть хорошим токарем, но если вам

попадались изделия плохой отливки, то вы могли заработать очень мало, так как за изделия, оказавшиеся в процессе работы браком, не платили. Точит токарь какой-нибудь кран, а под конец работы оказывается, что кран не годится вследствие получившейся при отливке его раковины. Токарь тратил на работу несколько часов, а за работу ничего не получал.

На фабриках кроме того просто жульничали. Основу давали длиной 55 метров, а сработанный кусок считали за 45 метров. Наконец самые расценки не представляли ничего устойчивого. Они могли в любой момент быть понижены по простому капризу мастера. Вследствие этого заработок рабочего по отдельным месяцам колебался очень резко.

Средний заработок (за год) семянниковцев составлял:

По паровозному отделу, где работали наиболее квалифицированные рабочие:

в 1896 г.	. . . . .	405 руб.
» 1897 »	. . . . .	421 »
» 1898 »	. . . . .	456 »
» 1899 »	. . . . .	460 »
» 1900 »	. . . . .	468 »
» 1901 »	. . . . .	491 »
» 1902 »	. . . . .	500 »
» 1903 »	. . . . .	499 »
» 1904 »	. . . . .	518 »

По судостроительному отделу, где работали менее квалифицированные рабочие:

в 1896 г.	. . . . .	299 руб.
» 1897 »	. . . . .	307 »
» 1898 »	. . . . .	339 »
» 1899 »	. . . . .	424 »
» 1900 »	. . . . .	453 »
» 1901 »	. . . . .	429 »
» 1902 »	. . . . .	385 »
» 1903 »	. . . . .	388 »
» 1904 »	. . . . .	407 »

Таким образом наивысший заработок металлиста равнялся 40 руб. в месяц, включая в эту сумму весь заработок, т. е. и за сверхурочные работы. Между тем, по сравнению с рабочими других заводов, семянниковцы находились в лучших условиях.

Текстильщики зарабатывали 50—60 коп. в день, что составляло 13—16 руб. в месяц.

К тому же этот заработок нельзя считать чистым заработком, ибо из него надо исключить разного рода сборы и штрафы.

В число сборов входили такие регулярные сборы, как на лампадное масло для икон мастерской, на устройство молебнов и на подношение подарков уходившим, справлявшим юбилей, на венки умиравшим лицам административного состава и т. д.

С этими сборами дело доходило иногда до возмутительных историй. Накануне получки мальчик из конторы мастерской бегает с подписным листом

на венок умершему администратору. На отказ рабочих от подписки, у конторы мастерской вывешивается объявление о «добровольной» подписке по 20 коп., каковые будут удержаны при выдаче жалованья. Кто не желает участвовать в подписке, пусть заявит об этом конторе. Такое наглое издевательство,—кто же посмеет не желать? Все «желают», а никому неизвестный покойник награждается венком, и по всей вероятности, с надписью «От благодарных и горячо любящих рабочих».

Более чувствительны в смысле уменьшения заработка рабочих были вычеты штрафов, ибо штрафы процветали во-всю. Штрафовали за всякую провинность и, что всего возмутительнее, без всякой провинности. Чтобы дать представление о том, за что штрафовали рабочих, я приведу несколько параграфов существовавшего в то время табеля взысканий:

«За непослушание или обман мастера—штраф до 1 рубля.

За нарушения во время нахождения в мастерской или заводской лавке тишины шумом или бранью—штраф до 1 руб.

За прогул без уважительных причин—штраф 1 руб.

За уклонение от работы—штраф 1 руб.

За прекращение работ и выход из мастерской до свистка—штраф 1 руб.

За выход или вход в мастерскую или на завод

через не предназначенные для этого ворота — штраф 1 руб.

За порчу работы—штраф 1 руб.»

Кроме того предприятию предоставляется право взыскивать убытки, причиненные от порчи работы, судом.

За опоздание до $^1/_4$ часа — штраф . . . . 20 коп.
» $^1/_2$ » » . . . . 30 »
» свыше $^1/_2$ часа — штраф . . 50 »

Нужно ли говорить, что такой табель взысканий давал администрации предприятия широкий простор штрафовать рабочих.

Бывали такие случаи: идет мастер по мастерской и видит, что у токаря стружки падают не в короб под станком, а на пол, что почти неизбежно при обработке хрупких металлов, например, латуни.

— Ты чего, сукин сын, не соберешь стружки?— кричит мастер.

Токарь резонно отвечает, что он не метельщик, чтобы подметать стружки.

— Ах, ты рассуждать!.. —заорет мастер, идет в контору и записывает штраф—1 рубль или 50 коп. за непослушание мастеру.

Приходит рабочий в заводскую лавку купить хлеба на обед, а приказчики заняты разговором.

— Бросьте вы болтать, ведь у меня нет времени ждать!—заявляет рабочий.

Заметят номер, сообщат в контору и оштрафуют за нарушение тишины в заводской лавке. Всякие возражения и оправдания, что ты не шумел, что сделал только справедливое замечание, не помогут, а будешь упорствовать—оштрафуют за непослушание начальству.

На фабриках давали гнилую и пыльную пряжу и требовали, чтобы не было брака, а так как сделать из гнилой пряжи хороший товар невозможно, то приходилось платить штраф.

Но всего возмутительнее и всего тягостнее для нас были штрафы за прогул. Каждый чиновник, каждый служащий имел право прогулять, и самое большое, чем он рисковал,—это неуплатой жалованья за прогульное время. Иначе дело обстояло с нами, рабочими. Мало того, что нам не платили за прогульное время, но нас еще и штрафовали, т. е. уменьшали заработок и за рабочее время.

Правда, при прогуле по уважительной причине штраф не налагался, но попробуйте доказать уважительность причины!

В результате всей этой штрафной системы и разных сборов, получалась потеря 10—15% заработка. Это в лучшем случае, когда рабочий с одной стороны, обладал физическим здоровьем выше среднего, а с другой—покорностью раба. При слабом же здоровьи и строптивом характере, это стоило значительно дороже.

ЖИЛИЩНЫЕ УСЛОВИЯ РАБОЧИХ.

Жили мы за заставой в деревянных, кишащих паразитами домиках местного мещанства, не имевших ни канализации, ни водопровода. В летнее время уборные во дворах, которые никогда не чистились, издавали страшнейшее зловоние, а в ямах под тротуарами скоплялись лужи нечистот.

Текстильщики жили в фабричных казармах, где размещалось по нескольку семейств в одной комнате, отгораживаясь занавесками из материи; за это-то жилье приходилось платить примерно 25% заработка. Фабричные казармы давали фабрикантам огромный доход, так как за койку взималось 2 руб. 50 коп. — 3 руб. На фабрике Масквеля в казармах жило до 900 рабочих. За 4 года он собрал с рабочих квартирной платы 85 тысяч рублей, что превышало стоимость дома почти в два раза. Селились рабочие в казармах «добровольно». Если кто-нибудь находил себе более удобное и дешевое помещение, ему не чинили препятствий к выезду, но брали «на заметку» и при первой возможности увольняли.

С целью извлечения лишнего дохода, а отчасти с целью прикрепить рабочих к фабрике, сделать их более зависимыми, некоторые фабриканты пробовали притти «на помощь» рабочим устройством для них собственных квартир. С этой целью они скупали дешевые участки земли, строили «благо-

устроенные» дома и продавали их в рассрочку рабочим по соответствующей, конечно, цене. Две комнаты с кухней у одного петербургского фабриканта, купившего большой участок земли, который рабочие и поныне зовут «Сахалином», стоили, например, около 5 тысяч рублей. Продавались они с рассрочкой на 12 лет из 6% годовых. Однако, собственностью рабочего квартира могла быть лишь после полной ее оплаты.

КАК РАБОЧИЕ СНАБЖАЛИСЬ ПРОДОВОЛЬСТВИЕМ.

То, что оставалось рабочему от его заработка после всевозможных поборов и штрафов, предприниматели целым рядом ухищрений старались вернуть обратно себе в карман. Заплатит фабрикант рабочему жалованье, а на второй день деньги возвращаются к нему. Устройство при фабриках и заводах продовольственных лавок для рабочих было не чем иным, как обираловкой рабочих теми же предпринимателями. Продукты в этих лавках отпускались в кредит по довольно высокой цене и довольно скверного качества, вследствие чего лавки давали предпринимателям большую прибыль. А когда стало труднее сбывать рабочим плохие продукты, так как это вызывало скандалы и разные неприятные заявления со стороны рабочих, некоторые фабриканты стали прибегать к другим способам заработать на снабжении рабочих продовольствием. Они выдавали рабочим заборные

книжки в частную лавку местного торговца со своим поручительством. И за то, что книжка выдавалась на лавочку купца Аристова, а не Третьякова, предприниматель брал с Аристова 5%. Но понятно, эти 5% лавочник платил не из собственного дохода, он отпускал товар очень плохого качества и по высокой цене, а одновременно и «баловал» припиской. В лавке купца Аристова нередко можно было слышать такие, например, разговоры:

— Иван Николаевич,—обращается жена какого-нибудь заборщика к лавочнику,—я брала 5 фунтов хлеба, а ты записал 7 фунтов. Исправь, пожалуйста!

— Побойся ты бога, баба, говорить на меня такую напраслину. Я ведь церковный староста и как могу принять такой грех на свою душу!

Женщина помнется и уйдет. Где найти управу, кому жаловаться?..

МАСТЕР

В заводской и фабричной жизни рабочего мастер являлся всем. Он мог вас согнуть в «бараний рог», держать «в ежовых рукавицах» и наоборот— он мог дать вам сносное существование. От него зависело дать вам трудную или легкую работу; от него зависело дать вам тот или другой расценок; от него зависело принять или забраковать сделанную вами работу; от него зависело оштра-

фовать вас за забракованную работу или помиловать; от него зависело признать ваш прогул, вызванный уважительной причиной или «влепить» вам штраф; от него, наконец, зависело, оставить вас на работе или уволить в любой момент по простому своему капризу. Высшая заводская администрация, управляющий, директор или начальник отдела—это высоты, с которыми жизнь рабочих почти совершенно не соприкосалась. Полным хозяином над рабочими был мастер.

Такая почти абсолютная власть развращала, как я наблюдал, даже либерально настроенных, интеллигентных мастеров. Большинство же мастеров вербовалось из той худшей части рабочих, которой совершенно чужд дух общественности. Многие из мастеров выбивались в «люди» не талантами, и не техническими знаниями, а уменьем угождать, подлизываться и льстить начальству. Они готовы были ради своего благополучия итти на всякую подлость, жать и давить рабочих до последней возможности. Заискивая и подлизываясь к начальству, они вносили дух разложения и в рабочую среду. Независимый, держащий себя с достоинством рабочий, не пользовался их благорасположением. Любимчиками мастеров были доносчики и халуйствующие рабочие. Найти управу на самодурство и бесчинство мастера было невозможно. Как верный пес, мастер всегда защищался хозяином, и произволу его не было предела.

Иногда и сами хозяева не отставали от мастеров в издевательствах над рабочими. Так среди палевцев рассказывались случаи обращения с ними старухи, владелицы фабрики, похожие прямо на анекдоты.

Этой старухе, говорят, было 90 лет, однако она каждый день ходила в фабричную лавку, где торговала браком, и сама сидела за кассой.

Придет кто-нибудь из рабочих купить для деревни кусок бракованного ситца и начнет просить, чтобы ему скинули 5 копеек с куска.

— Обидно, Марья Николаевна, сам ведь работал, а покупать приходится по такой же цене, как и постороннему,—начнет убеждать рабочий.

— Позови мне, милый, сторожа,—обратится Марья Николаевна к просящему.

Рабочий думает, что хоть за эту услугу ему скинут пятачок и стремглав бежит за сторожем. Между тем, когда сторож появляется в лавке, Марья Николаевна приказывает ему:

— Петр, выведи этого нахала из фабрики.

Но отношения к рабочим далеко не ограничивались такими «милыми» шутками. Крепостническая замашка администрации иногда проявлялась в гораздо более отвратительной форме.

На текстильных фабриках до 65% общего количества рабочих составляли женщины. На этих женщин у администрации фабрик был такой же взгляд, как у помещика на своих крепостных деву-

шек. Достаточно было появиться на фабрике «смазливой» женщине или девушке, как со стороны администрации начинались наглые приставания. Если женщина упорствовала, тогда на нее сыпались всевозможные «скорпионы»: переводили на худший станок, давали худшую пряжу, придирались к приемке и т. д. и т. п. и в конце концов увольняли. Не лучшая участь постигала и тех женщин, которые сдавались. С одной стороны, они подвергались злым насмешкам рабочих. На улицах за ними ходила толпа мальчишек и, улюлюкая, кричала: «Мастерова любовница, шлюха!». С другой стороны, и самим мастерам, привыкшим разнообразить удовлетворение своей похоти, быстро надоедала связь с одной и, конечно, они старались освобождаться от любовниц, увольняя их при первом удобном случае. Дальнейшая дорога такой женщины была одна—к проституции.

В этом отношении в очень тяжелых условиях находились работницы карточной фабрики. Здесь часть работниц вербовалась из воспитанниц Воспитательного дома, где им давалось некоторое образование и городской облик, поэтому они особенно привлекали «избалованный» вкус администрации. Не имея ни родных, ни знакомых, они являлись совершенно беззащитными, и тем наглее было приставание к ним администрации.

В стихотворении «К работницам карточной фабрики» так описывает их жизнь одна из работниц:

Жизнь в заботе, жизнь в неволе,
Жизнь, погрязшая в нужде,
Нет трудней девичьей доли
В рабском варварском труде.
Мастер Цубе нас терзает,
Нет подлей его души,
Он сначала разоряет,
Рвет последние гроши.
Разоривши, призывает,
Как рабынь, в свой кабинет
И в любовниц обращает...
На него управы нет.

КАК УДОВЛЕТВОРЯЛИСЬ КУЛЬТУРНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ РАБОЧИХ ПРИ ЦАРЕ И КАПИТАЛИСТАХ.

Наряду с жестокой эксплоатацией, самодержавие и предприниматели делали все возможное, чтобы мы были на положении вьючного животного, без стремления к знанию, без культурных потребностей.

Вспоминая теперь о том, в каких условиях мы жили за заставой, как-то даже не веришь, что все это действительно было. Теперь на каждом предприятии имеются клубы, библиотеки, школы, читальни, площадки для игр, музыка, театры. У нас же за заставой почти двухсоттысячное население для удовлетворения духовных потребностей имело только воскресную школу, которая во всех

своих трех отделениях могла вместить самое большее—300 человек, и две народные библиотеки, народные в том смысле, что они имели, согласно правил о библиотеках, ограниченный каталог книг. Никаких других культурно-просветительных учреждений за заставой не было. Не имея возможности разумно проводить время вне завода или фабрики, мы жили бессмысленной, дикой жизнью.

Возвращаясь с работы вечером, пожилые рабочие ложились спать, чтобы завтра повторить программу сегодняшнего дня. Мы, молодежь, по вечерам разрешали себе час-другой погулять. Гуляние состояло в том, что группами ходили по Шлиссельбуржскому тракту, приставали к фабричным девушкам, затевали ссоры и драки между собой. Поводом к драке мог служить совершеннейший пустяк: стоило кому-нибудь из одной группы толкнуть или назвать «шкетом» члена другой группы, как возникала драка. Дрались больно, до крови, до синяков... Очень не любили «аристократов»—тех рабочих, которые хорошо одевались, и ходили на Фарфоровый, где гуляли конторщики, чертежники, местные домовладельцы и барышни. Повстречается, бывало, такой рабочий с толпой молодежи, и слышит команду: «Посторонись, дай дорогу! Видишь идет барин без пяти минут!» Кто-нибудь постарается так сморкнуться, чтобы попасть на пальто франтоватого рабочего, затем пошлют три-четыре кома снега вслед.

Не любили и «холодных студентов»; так называли рабочие учеников воскресной школы. Эти одеты были скромно, но носили длинные волосы и широкополые шляпы «Гарибальди». Но над этими не издевались и не озорничали. Их не любили за то, что они держались всегда особняком, в «гулянках» не участвовали и вообще были какие-то «чужие». Вместе с тем, странностью своего поведения они возбуждали любопытство.

По воскресеньям ходили на «вал»—место близ вагонных мастерских—на кулачный бой. Сюда собирались рабочие всех возрастов. Располагались стенкой друг против друга, Смоленские против села Михаила-архангела. Впереди становились мы, молодежь, а за нами стояли взрослые. Иногда стояли друг против друга по часу, не решаясь начать. Но вот кто-нибудь из мальчишек ткнет другому зазевавшемуся в нос, тот ответит; понемногу начнут впутываться взрослые, и бой разгорается. Дрались без особой злобы, но с большим азартом. У каждой стороны были свои вожаки. У нас, помню, был вожак, рабочий Круглов. Если бы этот человек нашел свое место в жизни, то он стал бы выдающейся личностью. Родись он раньше на несколько сот лет, из него вышел бы руководитель шайки разбойников, какой-нибудь Васька Чуркин. А в эпоху героической борьбы масс из него получился бы храбрый вожак. Сильный, ловкий и совершенно бесстрашный, он был

неподражаемым кулачным бойцом. Бывали такие случаи: бой разгорался в его отсутствие. Мы стойко держимся. Но противник сосредоточивает кулак из дюжих ребят и делает прорыв «фронта». Положение становится критическим. Противник, окрыленный успехом, работает с двойной энергией. «Поле сражения» уже усеяно сбитыми шапками и «ранеными»: видны следы крови на снегу, кое-кто прикладывает снег к окровавленному носу, или разбитой губе. Но вдруг воздух прорезывает сильный баритон:

— Стой, держись, не робеть!

Это появился Круглов. Он врезывается в толпу противника; под действием его кулаков «враги» летят, как мячики. Расстроенные ряды сплачиваются, встают лежачие и, заходя с фланга, наносят «противнику» удар. Бой разгорается с новой силой,—и мы побеждаем.

Драка окончена. Встают побежденные, вывалянные в снегу, разбирают перепутавшиеся шапки; некоторые с разбитыми носами, с большими синяками под глазами идут домой, спорят о причинах неудач, обещают в будущее воскресенье наверстать свое.

В дни получек застава принимала другой вид. В эти дни, как и накануне праздников, работали до 4 часов. Работали собственно до двух, а потом чистили станки и получали жалованье. В 4 часа гудел хриплый, короткий свисток, и из невысоких

закопченных мастерских торопливо выбегали рабочие. У ворот завода, где для удобства обыска были устроены перила, они скучивались и, нещадно давя друг друга, весело хохотали. А когда выходили на улицу, то старались «улизнуть» от жен, толпа которых поджидала выхода мужей. И те, кому «улизнуть» удавалось, шли в пивную, в трактир, те же кто попадал в цепкие руки жены, с озлобленными лицами шли под «конвоем» домой.

Питейные заведения, в достаточном количестве имевшиеся за заставой, были переполнены в эти дни до невозможности.

Я пил «для компании», без охоты, но в получку к «Зубку» (так назывался трактир, принадлежавший владельцу Зубкову) заходил аккуратно.

Орет орган «Среди долины ровные». В трактире накурено так, что хоть «топор вешай». Люди входят, выходят. Хмелеют быстро, как мухи от отравы: не успеет войти, и уже пьян. В хмелю целуются друг с другом, ругают мастеров, жалуются на тяжелую долю, рассказывают историю своей жизни, обычно всегда невеселую. Иногда откроется дверь трактира, заглянет встревоженное лицо женщины, разыскивающей, должно быть, мужа.

— Ты что, матушка, по кулакам соскучилась?— любезно осведомляется кто-нибудь у пришедшей.

И так до поздней ночи, бывало, шумит застава, невеселая, пьяная...

ПЕРВАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ ПЛЕТЬ

Значительная часть русского пролетариата вышла, подобно мне, из рядов малоземельного и обнищавшего крестьянства, которое «заботливым» попечением самодержавно-помещичьего правительства держалось в нищете, невежестве и темноте.

На фабриках и заводах было не лучше. Разница была та, что чудовищная эксплоатация предпринимателей и обстановка заводской жизни приводила постепенно к сознанию необходимости борьбы с капитализмом и самодержавием.

Однажды, войдя в мастерскую, я заметил, что рабочие, чем-то озабоченные, тихо разговаривают между собой. А вернувшись с работы, я услышал от своего родственника-городового, только что вернувшегося с поста, что на фабриках «бунт» и что «студенты» раскидывали листки. «Студенты», «листки» тогда для меня были пустыми звуками: о «бунте» я кое-что знал, но крайне неопределенно.

После работы я обязан был помогать моей родственнице разносить молоко. Взяв два железных бидона, я отправился на фабрику Максвеля, рассчитывая за-одно посмотреть и «бунт». У ворот фабрики Паль стоял большой наряд полиции—городовые и околоточные.

— Марш на ту сторону!—крикнул на меня городовой, когда я намеревался пройти мимо ворот фабрики.

На углу Смоленского переулка и тракта стояла большая толпа народа. Никакого «бунта», т. е. драки, как я представлял себе «бунт», не было. Рабочие мирно стояли и смотрели на полицейских. В тот момент, когда я перешел на другую сторону, где стояли рабочие, к переулку подъезжал откуда-то вынырнувший наряд конных городовых, а может быть и жандармов—тогда я плохо разбирался в этих «тонкостях». Из стоявшей толпы рабочих кто-то свистнул. Городовые повернули лошадей в сторону толпы и с криком—«Разойдись!»—помчались на рабочих. Толпа быстро разбежалась. Мое дело настолько было правое, что я и не думал бежать. Я только прижался к церковной ограде, чтобы не быть смятым лошадьми.

— Марш домой, сукин сын!—гаркнул на меня подъехавший городовой и больно ударил меня плетью по плечу.

— Что ты дерешься, видишь, я несу молоко управляющему фабрикой, и мой родственник тоже городовой,—объяснял я городовому.

— Ну, иди!—крикнул он на меня.

Я схватил свои кувшины и быстро пошел дальше.

На углу Палевского проспекта и тракта тоже стояла толпа рабочих и тоже «бунтовала». Чтобы не попасть снова в какую-нибудь историю, я сошел с тротуара и быстро обошел это «опасное» место.

У калитки дома, куда я нес молоко, стоял городовой. Я объяснил ему, кто я и зачем иду. Я еще

раз повторил о том, что родственник у меня—городовой. Последнее я считал долгом довести до сведения «охранителя порядка», главным образом потому, что этот мотив, как мне показалось, особенно веским был в глазах угостившего меня плетью полицейского. Городовой пропустил меня.

Дом управляющего максвельской фабрикой был очень красивый, чистенький с большим садом, в котором было много клумб с цветами и теннисная площадка. По вечерам здесь всегда было много народу. Стройные и, как мне казалось тогда, красивые женщины, в белом, с мужчинами, тоже в белом, играли в теннис.

Этот дом и жизнь этих людей так отличались от грязного, закопченного вида заставы и от жизни рабочих, что в моей голове иногда возникали вопросы: отчего бог так устроил жизнь? Почему одним так хорошо, а другим так плохо?

В саду никого не было, хотя погода была хорошая, а окна дома были закрыты ставнями. С большой осторожностью меня впустили в дом.

Толпы рабочих на улицах, множество полиции, закрытые ставни в доме управляющего, отсутствие людей в саду, осторожность прислуги при впуске меня в дом—все это говорило, что происходили какие-то серьезные и важные события. Но в чем дело—я не знал, а узнать очень хотелось.

Вернувшись домой, я сейчас же рассказал своей родственнице о случившемся и услышал от нее

распространенную в то время версию о «бунте», что рабочих мутят «студенты». Они все из помещиков, ну и недовольны, что «освободитель» дал народу волю.

В мастерской рядом со мной работал токарь Митя. Кто такой был этот Митя—состоял ли он в каком-нибудь кружке, или был из так называемых «диких»,—я не знаю. Несомненно, он принадлежал к числу «сознательных», так как очень выделялся среди рабочих. Он не пьянствовал, ни с кем никогда не ругался, к рабочим относился по-товарищески.

Придя на второй день в мастерскую, я рассказал Мите, что я видел, как побил меня городовой, и, чтобы показать свою «просвещенность», передал ему слышанную мною от родственницы версию о «бунте».

Митя сказал, что родственница моя говорит глупости. Рабочие бунтуют не потому, что их мутят студенты из помещиков, а потому, что им плохо живется. Им приходится столько работать, что другой жизни, кроме работы, у них нет никакой, а зарабатывают они гроши.

Я задумался над словами Мити.

«РЕВОЛЮЦИОННЫЙ МОНАРХИЗМ».

Но правильная установка, данная мне Митей, была скоро спутана.

Через моих сожителей-бондарей я познакомился

с их земляком, рабочим химического завода Сергеем, которого звали в шутку «Химиком». Сергей был развитее своих земляков, моих сожителей, и любил поговорить о политике. Но его политические взгляды сбивали меня с толку.

Сергей по своим убеждениям был, если можно так выразиться, «революционный монархист». Он считал, что чиновное средостение между царем и народом надо устранить насильственными мерами.

Когда в нашей казарме, а чаще во дворе, на скамейке, за грызней семячек, заходил разговор о тяжелой жизни рабочих и крестьян и о несправедливостях начальства, Сергей обычно говорил:

— А все это от того, что царь-батюшка не знает о жизни своего народа. Знай он правду о нашей жизни, он бы все повернул по-другому.

Если ему возражали, что царю все известно, что ему обо всем докладывают, Сергей начинал доказывать, что это неверно, что чиновники царя обманывают и врут ему.

— Кем он окружен?—Поляками да немцами, которым важно погубить Россию! А как они могут погубить Россию? Только отделив царя от народа. Вот поэтому они и держат царя в плену и никуда его одного не пускают. Они даже в любовницы ему подсунули полячку Кшесинскую, чтобы через русскую любовницу кто-нибудь не добрался к царю и не рассказал ему всю правду. Сам он ничего поделать с ними не может, боится их: Павла убили,

деда его убили и его могут укокошить. Только для народного обмана говорят, что он самодержавец. Какой царь на земле может быть самодержцем, раз он не знает положение своего государства! А откуда это ему знать, коль с детства он доступен только чиновникам, а простой народ до царя дойти не может? Как дойдешь? Прошение подашь—чиновники в корзину бросят и ему не покажут; на улице вздумаешь подойти — полиция схватит и скажет еще, что царя убить собирался. Надо, чтобы царь всю правду узнал из первых рук, от самого народа.

Подобный взгляд на царизм был той почвой, на которой позже в 1905 г. развернулось движение, возглавляемое известным попом Гапоном.

Сергей-химик искал себе сторонников, в число которых решил завербовать и меня. Он водил меня на крещенский парад смотреть царя, слушать проповеди Ивана Кронштадского [1] и изречения св. Ивана, тридцать лет нечесаного (был тогда и такой святой).

«ПАШКОВЦЫ»

Рабочее движение конца девяностых и начала девятисотых годов вызывало оживленную деятельность среди различных религиозных сект.

На первый взгляд может показаться странной

---

[1] Иван Кронштадский — протоиерей Кронштадского собора — крайний черносотенец.

связь рабочего движения с религиозным сектантством, а между тем она несомненно существовала. Извилист и тернист был путь, которым шел русский рабочий к своему освобождению. Опутанный сетями невежества и беспросветной темноты, веками всасывавший с молоком матери религиозный дурман, русский рабочий не мог, боялся сразу порвать с богом, с религией. Эту боязнь я испытал на себе и наблюдал на других рабочих.

Но с другой стороны, мириться с религией в том виде, в каком она преподносилась попами, тоже было невозможно. Церковь и духовенство играли возмутительную роль в освободительной борьбе рабочих. Временами трудно было различить, где кончается церковь и где начинается полицейский участок. Деятельность этих заведений отличалась лишь по методам, но сущность была одна и та же. Их задачи сводились к тому, чтобы держать рабочих в рабстве, в подчинении, чтобы рабочие покорно и безропотно сносили гнет самодержавия и наглую эксплоатацию капиталистов.

Сектантство являлось той золотой серединой, которая более всего соответствовала мало развитой, мало сознательной массе. Здесь не отрицали бога, признавали религию, но не признавали попов, не признавали церкви и ее установлений.

Посещать сектантские собрания я стал после рассказа одного рабочего нашей мастерской: «Как выступит потом пашковец, да как начнет крыть

приехавшего проповедника!.. Вы,—говорит,—со своим Христом людей на собак меняете!» Я никогда не видал пашковцев и не знал их учения, однако, обработанный в духе православия я был настроен к ним враждебно. Считая себя сведущим в священном писании, я решил посетить собрание пашковцев и, если понадобится, вступить с ними в спор. В одно из ближайших воскресений я это и сделал.

В тесном и душном помещении сидело много народу. Мужчина лет 35 с умным и энергичным лицом, фабричный по внешнему виду (фабричные, т. е. текстильщики, отличались от заводских, т. е. металлистов, бледностью лица и одеждой), стоял на возвышении и объяснял текст писания. Припоминая позже физиономию этого «хлыстовского» попа, так звала их моя родственница, я думал, какой хороший и стойкий революционер вышел бы из того сбившегося с дороги рабочего! (А впрочем, может быть из него и вышел революционер—ведь многие из нас проходили путь «богоискательства» и описывали эту ненужную ломаную линию). Ничего скверного и неприемлемого для себя я не услышал на собрании. Наоборот, многое мне показалось правильным в его суждениях. Отныне я стал частенько забегать на собрание и, сидя в углу, на скамейке, своими маленькими мозгами разрешал один из труднейших для темного человека вопросов—вопрос о религии. Я размышлял над тем, что

говорилось в собрании, наблюдал действительность, и постепенно глубокая трещина образовывалась в моем представлении о религии, вера в бога постепенно рушилась.

ПЕРВАЯ ПРОКЛАМАЦИЯ.

Прошло три года. Я устал от непосильной работы на заводе и по хозяйству родственника. Как пушинки одуванчика при сильном дуновении ветра, разлетелись детские мечты, связанные с поездкой в Питер. Жизнь рабочего предстала во всей своей неприглядной наготе. В то время я уже был токарем. В связи с расширением механических мастерских нашего завода, значительно возросла в описываемый период потребность в квалифицированных рабочих. Поэтому мы, ученики Семянниковского завода, не в пример другим заводам, где ученичество длилось 3—4 года, шли в гору по лестнице ученичества гигантскими шагами. Нас само начальство подстегивало и передвигало к высшей квалификации. Делалось это, конечно, не из любви к нам и не из-за недостатка во взрослых рабочих (за воротами стояло много безработных), а исключительно потому, что труд подростков был заводу выгоднее труда взрослых. Если взрослому среднему токарю нужно было заплатить 40—45 руб. в месяц, то нам за ту же работу платили 20—25 руб. А когда мы пробовали торговаться относительно расценка, мастер нам заявлял: «Да

куда тебе так много денег, ведь ты даже истратить их не сумеешь!» Поэтому я уже через два года был переведен в другую мастерскую на большой токарный станок и был недурным токарем по мелкой арматуре. А стать токарем—значило достичь почти предельной высоты, на которую мечтал взлететь каждый ученик.

С наступлением весны изменился обычный уклад нашей заставной жизни. Прекратились кулачные бои: это «развлечение» почему-то практиковалось лишь зимой. Летом кулачные бои заменялись «орлянкой», которая, к счастью, меня не интересовала, но рабочие увлекались ею не меньше, чем кулачными боями. С ранней весны до поздней осени, каждый день, в особенности в праздник, все поле за заводом было усеяно кучками людей сосредоточенно, подолгу играющих в орлянку. Играли обычно на деньги и иногда очень азартно. Сергей мой уехал на сельскохозяйственные работы в деревню. Я нашел себе развлечение в хождении по кладбищам. Особенно я любил бывать на кладбище Киновиевского монастыря.

«Киновий», как мы его называли, был, собственно, не монастырь, а филиал Александро-невской лавры, служившей местом, куда посылалась провинившаяся «братия» для исправления. Монахи лавры вербовались по преимуществу из «раскаявшихся» кутил, аристократов и богачей, вследствие чего «исправляющихся» в Киновии было всегда

изрядное количество. Братия не чуждалась «мирской суеты» и похождения ее не всегда были безгрешны, а временами принимали скандальный характер. Виденные мною факты из жизни киновиевской братии оказали мне позже пользу.

В летописях рабочего движения Киновиевское кладбище и лесок за монастырем известны, как места рабочих нелегальных собраний, сходок и массовок.

Я любил кладбищенскую тишину, и в те дни, когда работал в ночной смене, часто ездил за Неву к Киновию. В памяти о том времени сохранились пасмурные дни, мелкий питерский дождик, мокрые воробьи, сиротливо сидевшие, свернувшись комочком, на могильных крестах, пьяный, но печальный голос, тянувший за забором кладбища: «Не для тебя, голубчик мой, придет весна, мастеровой», и надписи на могильных крестах, иногда лживые, иногда мещански наивные, вроде—«Уж вы, листья, не шумите, моего милого не будите».

Однажды под наплывом грусти, я, сидя на скамейке у дорожки кладбища, глубоко задумался о беспросветности жизни рабочего.

— Ты что, невесту что ли похоронил,—сидишь, как Христос в пустыне? Возьми-ка, почитай лучше!—услышал я над собой голос.

Передо мной стоял молодой рабочий, лицо которого я не успел хорошо разглядеть, ибо, бросив мне на колени свернутый клочок бумаги, он быстро

пошел к выходу. Развернув листок, я прочитал в нем, примерно, следующее:

«Товарищи, приближается день 1 мая. В этот день рабочие всего мира празднуют свой пролетарский праздник. В этот день они делают смотр своим силам, смотр тем силам, которые свергнут гнет капитала и установят на земле братство всех людей, установят такой строй, когда не будет ни рабов, ни господ, когда трудящийся человек не будет только вьючным животным, но наравне с другими будет иметь право на удовлетворение своих духовных запросов, право на отдых и развлечения».

Это была первомайская прокламация социал-демократической рабочей партии.

Ее содержание давало ответы на волновавшие меня вопросы. На душе стало радостней. Придя домой, я отодрал нижний конец доски забора, за которым лежали пустые бочки Невского химического завода, забрался между бочек и еще раз прочитал прокламацию. Отныне место среди бочек стало моим «кабинетом», так как дома, где в маленькой и низкой комнате нас жило девять человек, я не мог читать.

БУНТАРЬ-ОДИНОЧКА.

Прокламация открывала передо мной новую дорогу. Почерпнув из нее кое-какие сведения, я однажды вступил в разговор ближайших по станку

товарищей на тему о жизни рабочих у нас и за границей.

— У нас не разрешают праздновать 1 мая, а за границей рабочие в этот день не работают,— вставил я при разговоре.

Это мое «выступление» заставило обратить на меня внимание недавно поступившего к нам в мастерскую рабочего Павла Колпинского, знакомство с которым помогло мне начать сознательную жизнь.

Колпинский приехал к нам, кажется, с юга—не то из Луганска, не то из Николаева.

Это был бунтарь-индивидуалист, который считал, что, поскольку смелость и личная храбрость даются природой не каждому человеку, постольку и борцом за дело освобождения рабочих может быть не всякий. Поэтому он отрицал массовые выступления рабочих, стачки, и был уверен, что только индивидуальным террором можно вынудить предпринимателей к уступке.

К нам он поступил уже сильно «угомонившимся». На нем сказались годы и кочевая жизнь. Он объехал чуть ли не всю промышленную Россию, работал на больших заводах и фабриках и у маленьких хозяйчиков, но нигде не засиживался долго.

— Бывало, поступишь куда-нибудь,—рассказывал он за бутылкой пива,—не успеешь начать работать, как уже глядишь — есть повод набить

морду. Столько гнусностей творят над рабочим человеком, так издеваются над ним везде. Всего хуже рабочим живется в провинции у частных хозяйчиков. Здесь так облапошивают нашего брата, что дальше ехать некуда. Однажды мне особенно посчастливилось: на трех местах больше чем по две недели не засиживался. Большие расстояния пришлось проехать, чтобы место найти. Деньги все вышли. Начал поденно работать на сельских работах. Набрел на небольшой заводик в Екатеринославской губернии, решил позадержаться. Надо, думаю, собраться с силами, а морду набить всегда успею. Хозяин юркий, вертлявый, посмотрел на меня и говорит: «Глаза твои мне не нравятся». Я ему говорю: «Какие уж бог дал».— «Ты, значит, в бога веруешь?»—«Ну, а то как же?»—отвечаю. Взял. Гляжу, ребята у него работают до 10, до 11 часов вечера, а заработок слесаря—копеек 75. Спрашиваю: «Давно так работаете?» Говорят—«Все время». «Пробовали с ним говорить?»—«Как же, даже бастовать пробовали».— «Ну и что же?»—«Ничего, приехал исправник с казаками, многих избили, некоторых увезли с собой. Тут, брат, тебе не столица!» Проработал я месяц и чувствую, что терпению моему приходит конец. Встретил я его во дворе—да в ухо! Испугался он. Странно: смелы прижимать рабочих, эксплоатировать умеют, а кулака очень боятся. На второй день вызвал меня в контору и начал было

кричать, что в Сибирь угонит. Я ему разъяснил, что Сибирь тут не причем, ибо никакого бунта тут нет, а в морду ему дал за то, что плохо обращается с рабочими. Приказал выписать мне расчет. Да!.. Многим из них я дал острастку,— заканчивал он обычно свой рассказ.

Этот бунтарь-одиночка сделал для меня много хорошего тем, что приучил меня к чтению.

— Ты должен начать с чтения,—поучал он меня, сидя у «Зубка». Возьми для начала беллетристику. Это необходимо, чтобы приучить себя к чтению, иначе чтение может показаться скучным. А беллетристика такая вещь—увлекает и направление дает.

В один из ближайших дней я отправился в библиотеку. Библиотекарша дала мне книжку Эркмана-Шатрина—«Гаспар Фикс». Книжка мне очень понравилась, и я стал частым посетителем библиотеки.

ВОСКРЕСНАЯ ШКОЛА.

Видя мой интерес к чтению, библиотекарша посоветовала мне записаться с осени в воскресную школу.

В рабочем движении воскресная школа (ныне дом просвещения им. Н. К. Крупской) играла столь крупную роль, что о ней следует сказать несколько слов.

Школа была открыта заводчиками и фабрикан-

тами заставы и содержалась за их счет. Не желание, конечно, дать рабочим просвещение руководило фабрикантами при учреждении школы.

Причина открытия школы лежала в другой плоскости.

Дело в том, что выросшая русская промышленность с применением новых сложных машин требовала развитого и грамотного рабочего. Достаточно указать, что на механических заводах от некоторой категории рабочих требуется уменье разбираться в чертежах, делать расчеты, где необходимо знание дробей и даже начальной алгебры. Взять такого рабочего было неоткуда, так как деревня поставляла рабочую силу, мало пригодную для высокой квалификации. Естественно, что это должно было натолкнуть фабрикантов на мысль об устройстве школы для подготовки нужных рабочих, с преподаванием в них специальных предметов—алгебры, геометрии, механики, химии, черчения, физики, т. е. тех именно предметов, которые необходимы квалифицированному рабочему в его повседневной работе на фабрике.

Школа помещалась во дворе корниловских домов около фабрики Максвеля. Помещение школы, тесное и темное, не отвечало своему назначению. Желающих учиться в школе было в несколько раз больше, чем могло вместить помещение. В маленькую комнату, с низкими потолками, не превышавшую 25 кв. метров, нас набивалось до 50

человек. Занятия в школе производились с 7½ до 10 часов вечера, а в праздники—с 12 до 4 часов. Труд преподавателей не оплачивался—доброты фабрикантов хватило лишь на оплату плохого помещения. Последнее обстоятельство имело, впрочем, и свою положительную сторону, так как преподавательский персонал подбирался исключительно идейный.

Преподавание в школе велось с политическим уклоном. Даже на предметах чистой науки много говорилось о политике. Так преподаватель химии, рассказывая о знаменитом химике Лавуазье, часто переходил к Французской революции, которой посвящал добрую половину своей лекции. Во время лекций и уроков нередко завязывались разговоры на политические, а позже и партийные темы.

Таким образом школа являлась своего рода районным политическим клубом и объединяющим центром, ибо здесь сходились рабочие всех заводов и фабрик. Потребность в общении, потребность подышать общественным воздухом была среди рабочих огромная. Чтобы показать, как велика была эта потребность, я расскажу для примера такой случай.

Вместе со мной ходил в школу строгальщик нашего завода Иван Лаврентьевич. Этот товарищ, уже немолодой человек, должно быть так сильно уставал на работе на заводе, что, приходя в шко-

лу, спал на каждом уроке. Лекции по алгебре и геометрии у нас читал профессор Горного института В. И. Бауман. Бауман вносил в свои лекции столько азарта, что мы слушали его с большим вниманием. К тому же в нем было много «чудачества» профессора-математика, что очень оживляло лекции. Когда он доказывал какую-нибудь теорему, галстук его съезжал на бок, сюртук весь измазывался мелом, волосы взъерошивались. Цифры, скобки, знаки равенства и неравенства, фигуры писались и рисовались им с ошеломляющей быстротой. Но Иван Лаврентьевич спал и на уроках Баумана. Доказывает, бывало, Бауман какую-нибудь теорему, а Иван Лаврентьевич, склонившись перед тетрадью на парту, спит сном праведника.

Но вот Бауман кончил и, чтобы проверить, усвоили ли ученики теорему, вызывает желающих к доске. Кто-нибудь из учеников в шутку называет Бауману фамилию Ивана Лаврентьевича. По близорукости, лишавшей его возможности видеть, что происходит в классе, Бауман приглашает Ивана Лаврентьевича. Сознаться, что он спал и ничего не слышал, Иван Лаврентьевич не решается и, смущаясь, идет к доске. Здесь он несколько раз откашливается, крякает, как бы подготовляя голос для доказательства теоремы, усиленно стирает с доски, прикладывает мел и снова стирает. Класс не выдерживает и разражается дружным хохотом.

На выручку приходит Бауман. Мел попадает в его руки, мелькают цифры, фигуры—и через несколько минут теорема блестяще доказана.

— Великолепно! Очень хорошшо!—ободряет смущенного Ивана Лаврентьевича Бауман.

— Замечательно, прямо, как профессор Горного института!—съязвит кто-нибудь из учеников.

Но Иван Лаврентьевич терпеливо переносил злые шутки товарищей и не прекращал ходить в школу, ибо ходил он не затем только, чтобы слушать вычисления объема усеченной пирамиды и радиуса земли, а чтобы поговорить, послушать разговоры товарищей во время перерыва. И для этих 15—20 минут беседы с товарищами он отрывал у сна 3—4 часа и терпеливо переносил наши шутки.

Кроме того школой, дававшей возможность близко подойти к рабочим, пользовались многие партийные товарищи, работавшие в школе в качестве преподавателей. На это обстоятельство обратил внимание в свое время и департамент полиции. Известный охранник, директор департамента полиции Зволянский в своем отчете царю о работе «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса» еще в 1896 г. писал: «Учительница воскресной школы Надежда Крупская, имеющая, в силу своего положения, непосредственные отношения к рабочим, ведет энергичную пропаганду в их среде, являясь в то же время представительницей интеллигенции за Невской заставой».

Все ученики школы были настроены революционно, а некоторые входили в социал-демократическую организацию.

Хождение в школу, где я впервые услышал о рабочем движении за границей, чтение книг и общение с товарищами помогли мне во многом разобраться.

Так учрежденная фабрикантами школа превратилась в очаг революционной «заразы».

УЧАСТИЕ В ПЕРВОЙ ЗАБАСТОВКЕ.

В школе я познакомился с рабочим нашего завода Капыловым, с которым часто беседовал, возвращаясь из школы. Однажды Капылов предложил мне зайти к его знакомому, послушать чтение хорошей книжки, посоветовав запомнить адрес не записывая. Часов в 8 вечера я отправился по указанному адресу. В плохо освещенной комнате сидело несколько человек рабочих и одна женщина-пропагандистка, одетая под работницу.

— Это наш новый товарищ,—представил меня Капылов собранию.

Пропагандистка предложила отложить чтение хорошей книжки до другого раза, а на этот раз заняться обсуждением вопроса организации забастовки в день 1 мая. Рассказав, почему рабочие празднуют 1 мая, почему они должны выступать солидарно, а не в одиночку, пропагандистка предложила нам распределить между собой роли: кто

будет разбрасывать прокламации, кто остановит машину в мастерской, кто даст заводской свисток.

Мне было поручено разбросать по станкам мастерской прокламации, что я и выполнил.

Разбросанные за несколько дней до 1 мая по заводу прокламации, повидимому, оказали свое действие. Придя 1 мая на работу, я заметил, что никто из рабочих за работу не принимается. Все чего-то ждут. Но вот загудел заводской свисток, и рабочие дружной толпой двинулись из мастерской. Из заводской конторы вышел директор завода. Толпа двинулась к заводской конторе; несколько человек рабочих направились к директору и подали ему какую-то бумагу. Впоследствии я узнал, что поданная директору бумага—была требованием рабочих, где,—наряду с общими требованиями о введении 8-часового рабочего дня, были требования местного значения—повышение расценка, отмена штрафов, организация кооперативной рабочей лавки, вместо заводской, и ряд других требований. Затем рабочие сами открыли заводские ворота и вышли на улицу. При выходе на улицу кто-то поднял красный флаг, и раздалось пение рабочей марсельезы. Но не успели мы пройти несколько шагов, как со двора химического завода выскочили казаки, с гиканьем бросились на нас и без всякого предупреждения и требования разойтись стали избивать нас нагайками. Защищаясь от нагаек, некоторые товарищи пустили в ход камни, болты, же-

лезные обрезки; тогда казаки пустили в ход шашки, ранив несколько человек. Ночью были произведены большие аресты среди рабочих. В числе арестованных был и Капылов. Но ничто так не увеличивало сторонников революции среди рабочих, как жестокость самодержавия, его поспешность и старания, какие оно проявляло при подавлении рабочих стачек. Повидимому дряхлеющий организм самодержавия, уже за десяток лет до своего окончательного падения, утратил даже чувство самосохранения.

Всякая борьба за улучшение условий труда рассматривалась русским правительством как борьба против «государственного строя». В наших расчетных книжках печатались статьи закона (51—Уст. о нак. и 1358—Улож. о нак.), которыми рабочие ставились в известность, что «за прекращение работ по стачке виновные подвергаются тюремному заключению». Но не удовлетворяясь наказанием по закону, правительство жестоко расправлялось с забастовщиками при помощи полицейских кулаков и казацких нагаек. Достаточно было рабочим где-нибудь заявить протест против возмутительных порядков на фабрике, как правительство спешило на помощь предпринимателю и усмиряло «взбунтовавшихся» казацкими нагайками.

Забастовка и дикая расправа с нами казаков произвели на меня глубокое впечатление. Необходимость борьбы с самодержавием и капиталистами

отныне стала еще очевидней. С этого момента я начал принимать активное участие в социал-демократической подпольной организации.

УЧАСТИЕ В ДЕМОНСТРАЦИИ

В тот период работа социал-демократической партии сводилась к организации нелегальных кружков и распространению нелегальной литературы. Благодаря бдительности охранки и жандармерии и частым провалам социал-демократическая партия не могла вовлечь в свою организацию более или менее значительные кадры рабочих. В то время организация насчитывала несколько десятков человек. Тем не менее эта подпольная организация имела огромное влияние на рабочий класс, являясь и идеологически и практически руководителем рабочих во всех их выступлениях и организатором классовой борьбы пролетариата. Для иллюстрации того, как росло влияние революционной социал-демократии на массы, каково было ее организующее значение, остановлюсь на двух эпизодах из истории революционной борьбы питерских рабочих, в которых я принимал непосредственное участие, а именно: на демонстрации 3 марта 1902 г. и на комиссии сенатора Шидловского в феврале 1905 г.

В начале 900-х гг. металлическая промышленность Питера переживала, как известно, кризис. Время это было, следовательно, не особенно бла-

гоприятное для экономической борьбы рабочих. С другой стороны, к этому времени для наиболее сознательной части питерских рабочих становилось ясно, что никакое улучшение экономического положения невозможно без политической берьбы. Поэтому, начиная с 1901 г., социал-демократическая партия, в частности ее центральный орган «Искра», выдвинула новый метод агитации—участие рабочих в общегражданских и студенческих политических демонстрациях.

К участию в демонстрации 3 марта 1902 г. питерские рабочие были призваны особой прокламацией «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса», за несколько дней распространенной по заводам в довольно большом количестве. Следует отметить, что одновременно с прокламацией среди рабочих распространился слух, что студенты против того, чтобы рабочие приняли участие в демонстрации. Мотивировалось это тем, что студенты добиваются лишь автономии высшей школы, а рабочие своим участием придают демонстрации революционный характер. Это обстоятельство сильно расхолаживало рабочих.

— Чорт с ними!—говорили некоторые товарищи,—пусть им казаки как следует всыплют «автономию». Будем устраивать свои демонстрации, а на их демонстрацию не пойдем.

Несмотря, однако, на это неблагоприятное обстоятельство, призыв «союза борьбы» к участию

в демонстрации привлек много рабочих, в том числе и рабочих нашего Невского района. 3 марта приходилось в воскресенье, поэтому заводы в этот день не работали. Сбор был объявлен к 12 часам дня, но уже с раннего утра паровая конка, ходившая из-за заставы в город, была переполнена рабочими, направлявшимися на демонстрацию. Некоторыми товарищами были заготовлены флаги с революционными лозунгами—«Долой самодержавие!» Некоторые из нас даже «вооружились» гайками, кусками железа, железными тростями, серной кислотой в пузырьках и т. п. Я с группой товарищей приехал в город часам к десяти. Однако пробраться на Казанскую площадь можно было только обходным путем, через переулки и по-одиночке, так как площадь была оцеплена полицией. Все же на площади собралась большая, в несколько сот человек, толпа рабочих, студентов и курсисток.

В 12 часов, когда раздался пушечный выстрел с Петропавловской крепости, в разных местах были выкинуты красные флаги. Кто-то, взобравшись на памятник Кутузова, произнес краткую речь. Затем с пением мы двинулись на мостовую Невского проспекта. Но в этот момент с Конюшенной улицы выскочила сотня казаков и с гиканьем, галопом, с шашками наголо, помчалась на демонстрантов. Началась свалка, крики, избиение.

В отличие от демонстрации 4 марта 1901 г. в этот раз меры подавления демонстрации были при-

няты со стороны полиции самые решительные и жестокие. Градоначальник Клейгельс организовал на этот раз, кроме казаков, жандармерии и полиции, дворников. В каждом прилегающем к Казанской площади дворе были рассажены группы дворников по 10—20 человек. Спасаясь от нагаек и шашек во дворы, демонстранты попадали в лапы дворников, которые, инсценируя возмущенных граждан, нещадно избивали демонстрантов. Сцены избиения носили отвратительно жестокий характер. В то время демократическая часть студенчества носила длинные волосы, а курсистки, наоборот—короткие. Им подражали и многие передовые рабочие. Длинные волосы у мужчин и короткие—у женщин, как признак нигилизма, являлись предметом особой ненависти полиции и дворников. Перед моими глазами до сих пор стоит мерзкая отвратительная сцена: группу студентов дворники волокли за волосы за ограду греческой церкви, куда собирали задержанных до отправки в тюрьму, а другая группа дворников, гогоча, как лошади, били студентов кулаками.

КОМИССИЯ СЕНАТОРА ШИДЛОВСКОГО

Демонстрацией 3 марта 1902 г. закончился период демонстраций для питерских рабочих. С этого времени, до 9 января 1905 г., если не считать неудавшейся демонстрации 28 ноября 1904 г., рабочие Питера не выходили на улицу, ибо для со-

знательной части питерского пролетариата стало ясно, что время невооруженных демонстраций прошло, что теперь нужно думать уже о вооруженном выступлении. Но к концу 1904 г. рабочий состав Питера значительно изменился. Наиболее сознательная и развитая часть рабочих была арестована и выслана. С другой стороны в это время влилась в состав питерского пролетариата большая часть мало развитых, прибывших из деревни, рабочих.

Дело в том, что, начиная с 1903 г., петербургская промышленность стала выходить из состояния кризиса, а в связи с этим, значительно стало увеличиваться количество рабочих на заводах.

Об этом говорят несколько цифр хотя бы по Семянниковскому заводу.

Так по паровозному отделу число рабочих с 2 128 чел. увеличилось в 1904 г. до 2 632, т. е. на 20% с лишним. По судостроительному отделу—с 961 чел. увеличилось до 3 113 чел., т. е. более чем в три раза. По металлургическому—с 1 133 чел. до 1 603 чел. Общее число рабочих по заводу увеличилось с 4 282 чел. до 7 348 чел. в 1904 г.

Увеличение рабочих кадров происходило за счет пришлых из деревни элементов, мало квалифицированных, а следовательно, и малоразвитых в политическом смысле рабочих. В этом отношении показательны следующие данные по тому же Семянниковскому заводу. В пароходо-механической мастерской, где работали исключительно квалифици-

рованные рабочие—токаря, слесаря, строгальщики, фрезеровщики, долбанники, т. е. рабочие той специальности, которая требует нескольких лет работы в заводе, что, конечно, не проходило даром в смысле политического развития,—число рабочих за указанные годы увеличилось с 500 чел. до 650 чел. Между тем в корабельной мастерской, где работал малоквалифицированный состав рабочих—клепальщики, молотобойцы—число рабочих увеличилось с 306 до 1 405 чел., т. е. более, чем на 400%. То же по паровозному отделу: в паровозо-механической мастерской число рабочих даже сократилось за то же время—с 1 158 чел. до 1 150 чел. Зато по котельной мастерской, с малоквалифицированным составом, число рабочих увеличилось с 400 чел. до 700 чел.

Из приведенных цифр видно, что рабочий состав существенно изменился к концу 1904 г. В него влилась большая часть пришлого, мало развитого элемента. Между прочим элемент этот явился хорошим материалом для невежественного гапоновского движения. Однако и этот мало развитой и мало сознательный элемент, после урока 9 января, быстро распознал своих друзей и врагов, что особенно ярко проявилось на отношении петербурских рабочих к комиссии Шидловского.

Комиссия сенатора Шидловского была создана по указу царя. Расстреливая 9 января рабочих, правительство очевидно думало, что этой мерой

ему удастся прекратить рабочие волнения. Но оно очень ошиблось: забастовка не прекратилась и после 9 января. Чтобы успокоить рабочих, правительство придумало создать комиссию, которой поручило выяснить нужды рабочих, пригласив для этой цели выборных представителей от рабочих с правом совещательного голоса. Выборы в комиссию должны были быть двухстепенные, а именно: каждые 500 человек рабочих могли выбирать одного выборщика, а выборщики должны были избрать членов комиссии. Выборщиками могли быть только рабочие, прослужившие не менее года на данном предприятии. В выборах могли участвовать как мужчины, так и женщины.

Когда 29 января был объявлен указ царя об учреждении комиссии Шидловского, перед социал-демократической организацией стал вопрос— как относиться к этой новой затее правительства. На ряде совещаний с представителями большевистского петербургского комитета партии [1] было решено в целях агитации принять участие в выборах выборщиков, предъявить политические требования и участия в работе комиссии не принимать.

13 февраля 1905 г. на нашем Семянниковском заводе состоялись выборы выборщиков, причем никто из участников гапоновской организации избран

[1] Активное участие в разработке плана кампании в комиссии Шидловского принимал т. Сергей Иванович Гусев (Драбкин), бывший в то время секретарем ПК.

в выборщики не был—они потеряли всякое доверие масс после 9 января. После избрания мы, выборщики, потребовали от администрации устройства собраний рабочих по мастерским для получения от них указаний, какие требования мы должны защищать в комиссии. На собраниях мы вели агитацию за предъявление политических требований.

16 февраля было назначено собрание выборщиков от всех заводов Питера, «для предварительного между собою ознакомления», как гласило объявление старшего фабричного инспектора петербургской губернии. Собрание выборщиков было назначено не общее, а по производствам, которые были разбиты на 8 групп. Мы, металлисты, шли группой под № 4 и должны были собраться в Народном доме Нобеля, а все остальные группы в Народном доме графини Паниной. Устроено это было так потому, что правительство опасалось революционного влияния металлистов на другие группы. Собрание открыл старший фабричный инспектор Литвинов-Фалинский.

Это было наше первое легальное собрание. Незнакомые друг с другом, без практики ведения таких больших собраний, мы немного растерялись. Когда, произнеся речь о задачах комиссии, Литвинов-Фалинский удалился из залы заседания, наступила временная тишина. Минута была торжественная. Нам нужно было наметить линию нашего поведения, обдумать тактику борьбы с хорошо во-

оруженным врагом, хитро ведущим борьбу, а у нас (это—не то, что теперь), не было ни политического опыта, ни теоретических знаний. В эту минуту каждый из нас почувствовал, что русский рабочий вступил в полосу строительства новой жизни. Прошла минута замешательства. Избрали председателя, секретаря. Сговорились, какие требования мы предъявим Шидловскому, прежде чем дать членов в комиссию. Затем признали, что у рабочего класса одни задачи, одни цели, а поэтому разделение нас на группы по роду производств есть не что иное, как попытка внести раздор в рабочую среду, использовать темноту наших товарищей, работающих в отраслях, не требующих большой квалификации. После этого было решено предъявить Шидловскому требование об устройстве общего собрания выборщиков всех групп для обсуждения нужд рабочих всех производств. Эти требования мы переписали не особенно красивым почерком, скрепили подписями всех присутствующих и с делегацией отправили Литвинову-Фалинскому для передачи Шидловскому.

Требования наши об устройстве общего собрания выборщиков были удовлетворены, и 17 февраля мы собрались в Народном доме графини Паниной. Немало было нами потрачено усилий, чтобы доказать выборщикам некоторых групп, подпавшим под влияние Ушакова (представителя движения вроде зубатовщины), состоявшего выборщиком по

группе «волокнистых веществ», необходимость предъявления требований о свободе слова, печати, собраний. Ушаков все время доказывал, что рабочим не нужна политическая свобода, и что они должны требовать только удовлетворения их экономических нужд—повышения заработной платы, отмены штрафов и т. п. В конце концов нам удалось убедить все группы в необходимости предъявления некоторых требований, без которых участие в комиссии представителей от рабочих мы считаем бесцельным и ненужным. Требования эти сводились к гарантии неприкосновенности рабочих делегатов, полной свободе слова, свободе обсуждения подлежащих рассмотрению комиссии вопросов, свободе устройства собраний для информации рабочих делегатами и ходе работ в комиссиях. Эти требования мы послали Шидловскому и просили дать нам ответ до 12 часов 18 февраля, так как в этот день должны были состояться выборы членов комиссии.

Шидловский в удовлетворении наших требований отказал. Поэтому, собравшись 18 февраля в здании съезда мировых судей на Мещанской улице, мы, металлисты, заявили командированным Шидловским для производства выборов чиновникам, что рабочие Питера своих представителей в комиссию не дадут, так как их требования не удовлетворены, что еще раз показывает полную неспособность и нежелание самодержавного правительства

разрешить рабочий вопрос и что поэтому рабочий класс должен будет вести борьбу за свержение самодержавия. Да здравствует демократическая республика!.. И с пением «Рабочей марсельезы» мы двинулись к выходу.

Испуганно смотрели на меня два стареньких, плешивых с обкуренными желтыми усами чиновника, когда я обратился к ним с приведенной выше краткой речью. Для них так непонятно было все происходящее, что один из них повернул голову назад и посмотрел на висевший портрет царя. Что означал этот взгляд старенького чинуши на портрет «державного вождя»?—я не мог уловить. Просил ли он всеподданнейше прощения за то, что по слабости не может защищать своего «любимого монарха» от оскорблений, или почувствовал, подобно старой опытной крысе, приближение могучего шквала, от которого вдребезги должен разлететься государственный корабль самодержавия, и ему жалко стало маленького капитана этого корабля?..

Так жили мы, рабочие, при царе. Так через кузницу революции—завод,—под руководством революционной социал-демократической партии, шли к своему освобождению.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Из деревни в город	7
Как поступали раньше на работу	14
«Привальная»	20
Сколько часов работали на заводе при царе	23
«Охрана» труда на фабриках и заводах	26
Какой был раньше заработок рабочих	29
Жилищные условия рабочих	35
Как рабочие снабжались продовольствием	36
Мастер	37
Как удовлетворялись культурные потребности рабочих при царе и капиталистах	41
Первая полицейская плеть	46
«Революционный монархизм»	49
«Пашковцы»	51
Первая прокламация	54
Бунтарь-одиночка	57
Воскресная школа	60
Участие в первой забастовке	65
Участие в демонстрации	68
Комиссия сенатора Шидловского	71

14614

12 коп.